

Чистюля он и есть чистюля: сразу после дела вскочил и отправился в душ.

Хэ Линнань достал телефон, открыл видео с Хуахуа, посмотрел пару роликов, но лежать спокойно не мог, перевернулся на бок, чувствуя, что всё тело не на месте.

Потянулся к пульту на тумбочке, включил свет, огляделся и заметил на столе табличку с изображением зелёной курительной трубки.

Ну конечно, Синьти — место особенное, как же тут можно оставить курильщиков без внимания.

Хэ Линнань сбросил одеяло, встал с кровати, порылся в рюкзаке и нашёл полупустую пачку сигарет.

Это были его старые сигареты, марку «Сяомань» он не нашёл, решил вспомнить былые времена и закурить то, к чему привык раньше... Но привыкнуть не смог! Кто вообще курит эту дрянь?

Полосатые шорты, валявшиеся в ногах кровати, вызвали отвращение. Хэ Линнань вытащил из рюкзака пляжные шорты, натянул их на голое тело и открыл раздвижную дверь на балкон.

Влажный жар обволакивал его, словно обольстительная призрачная женщина.

Только что произошедшее сделало его восприятие особенно острым: даже лёгкий ветерок возбуждал.

Слушая шум воды из ванной, он разозлился — зачем мыться? Это же первый раз! Он не требовал ночи на пределе возможностей, но хотя бы два три раза должно было быть. А тут даже вкуса не успел почувствовать, как уже всё закончилось. Несправедливо.

Хэ Линнань всё больше злился на Цинь Мян: тот должен был продолжать, даже если не хотел! Разве он не понимал, в какой ситуации находился?

Он присел перед цветочной подставкой на балконе, злясь и тщательно обыскивая её в поисках зажигалки. Пепельницу он уже нашёл — она стояла на верхней полке подставки.

Мышцы на внутренней стороне бёдер болели невыносимо, да и выше тоже было тянущее ощущение. Он уже не мог сидеть на корточках, как вдруг заметил спираль от комаров и коробок спичек. Хэ Линнань тут же бросил поиски зажигалки и схватил спички.

Из-за влажности спички стали мягкими: вся коробка, каждая спичка была мягкой, что только разозлило Хэ Линнаня ещё больше.

Курить не получилось.

Хэ Линнань продолжал держать сигарету в зубах, наслаждаясь крошечным вкусом табака.

На улице Чайнатауна играла кантонская песня, аккомпанемент был приглушённым, но голос певца слышался чётко.

Он подпел пару строк, понял, что фальшивит, и замолчал, сосредоточившись на музыке.

Достал телефон, открыл неотредактированные фотографии, долго смотрел на них и решил, что, возможно, лучше оставить их как есть.

Раздвижная дверь заскрипела. Хэ Линнань сунул телефон в карман, хотел повернуться, но шея так болела, что он не смог.

Что за дела, почему шея так болит?

Хэ Линнань вспомнил, как Цинь Мянью прижал его затылок к кровати, как тот двигался вперёд, а подушка давила на шею, которая оказалась зажата с двух сторон.

Виновник встал слева. Он повернул голову и увидел, как тот протягивает руку с новенькой зажигалкой.

— Откуда это? — Хэ Линнань схватил зажигалку, зажёл сигарету, которую держал в зубах, глубоко затянулся и медленно выдохнул, глаза его сузились от удовольствия.

— Попросил службу доставить, — ответил Цинь Мянью.

Губы Цинь Мянью уже не были такими бледными, как при первой встрече: они слегка опухли и покраснели.

Это вызвало в памяти множество крупных планов. Хэ Линнань почувствовал, как голова его накаляется. Он больше не смотрел на Цинь Мянью, а повернулся к мерцающим неоновым огням Чайнатауна.

— Как глаза?

— Нормально...

Хэ Линнань не поворачивался, указал на Цинь Мянью сигаретой, считая это достаточно угрожающим жестом.

— Всё ещё вижу немного кровавого тумана, но ощущение инородного тела стало меньше, — поправился Цинь Мянью.

На этот раз, видимо, он не врал. Хэ Линнань повернулся к нему и выпустил клуб дыма:

— Тогда чего ты тут торчишь? Иди спать.

Ветер внезапно усилился, влажность щипала глаза. Хэ Линнань повернулся, оперся спиной на перила балкона и случайно заметил одеяло, брошенное в углу комнаты.

Ну и дела, бой был жарким.

Сигарета догорала.

Спокойствие, принесённое никотином, незаметно сменилось беспокойством. Хэ Линнань украдкой взглянул на Цинь Мянью, не желая, чтобы в этом вопросе они думали одинаково, но взгляд его уже поймали, и притвориться, что ничего не заметил, было поздно.

К тому же он и так был на взводе.

На лице Хэ Линнаня по-прежнему читалась досада:

— Если хотел продолжения, зачем ты пошёл мыться?

— Сильно вспотел, боялся, что тебе неприятно.

— Если так вспотел, значит, устал. Давай спать, не надо больше.

С этими словами он потушил окурок в пепельнице, открыл стеклянную дверь и зашёл в комнату, шлёпая тапками.

Цинь Мянью почти одновременно вошёл за ним. Тёплый воздух ласкал спину Хэ Линнаня, и вдруг на его талии оказались руки, а затем ноги оторвались от пола!

Цинь Мянью поднял его к зеркалу. Поняв его намерения, Хэ Линнань напрягся, изо всех сил пытаясь освободиться из его хватки.

— Не делай эти старые трюки! В порно такого уже не снимают, это слишком банально... Эй!

Преимущество только что произошедшего заключалось в том, что не нужно было готовить

оружие. Или, точнее, после первой битвы оружие уже знало поле боя и было в лучшей форме.

Но, чёрт возьми, мы так близко к двери!

Неизвестно, насколько хорошо дверь поглощает звуки. На балконе ветер свистел, занавески тут же закрутились, словно танцуют.

Хэ Линнань не успевал следить за всем: с одной стороны, он беспокоился, что кто-то в коридоре услышит их; с другой — что дверь на балкон открыта.

Да, напротив балкона нет зданий, мы на двадцать втором этаже, никто не увидит.

Он всё понимал, но, видя, как занавески танцуют, не мог успокоиться!

В этом состоянии страха тело Хэ Линнаня напряглось, и его чувства обострились до предела.

Губы соприкасались, издавая то лёгкие, то громкие звуки, а после разъединения другой контакт становился ещё теснее и интенсивнее.

Все прикосновения были как ветер в Синьти — влажные и липкие.

Зеркало запотело. Пальцы, опиравшиеся на него, соскользнули, оставив чёткий след.

Этот след отражал горячее переплетение тел, пока не скрылся под слоем пара, пока всё не стало размытым.

Хэ Линнань почувствовал стыд.

Невероятно новый стыд.

Зеркало выше плеч находилось рядом с вентиляционным отверстием кондиционера, и это служило границей — всё ниже плеч было скрыто туманом.

Из-за того, что он не мог видеть, стыд становился ещё сильнее: дрожь выше плеч говорила о том, что происходило ниже.

Взгляд Цинь Мяня время от времени скользил по зеркалу. Заметив это, Хэ Линнань инстинктивно отвернулся: он был уверен, что его лицо искажено гримасой.

Рука Цинь Мяня поднялась, взяла его за подбородок и повернула лицо обратно.

В зеркале взгляд Цинь Мяня медленно захватил его.

Желание больше не контролировалось. Он не хотел, но ничего не мог поделать: его заставляли, пока ноги не стали ватными, а поясница онемела.

Когда он хотел, всё вдруг останавливалось: его заставляли говорить, а затем резко доводили до предела.

Как на американских горках, Хэ Линнань видел звёзды:

— Спаси... спасите...

Цинь Мянь прижался ещё ближе, отмахнувшись:

— Сейчас спасу.

— Ты чёрт возьми не спасаешь, ты убиваешь меня!

И он услышал тихий смех Цинь Мяня.

Долго.

Очень долго. Придя в себя, снова увидев мир, когда гул в голове утих, Хэ Линнань услышал довольно громкий стон. Через полминуты он понял, что это он сам издаёт такие звуки.

<http://tl.rulate.ru/book/5531/190995>